Ленинград
театр им. Ленин. комсомола

Суббота, 19 ноября 1988 г. № 267 (19117)

Смена

СМЕНА г. Ленинград

О том, что ситуация в Театре имени Ленинского комсомола с каждым годом все набирает остроту, уже писалось и говорилось не раз. В местной и центральной прессе, с трибун ЛО СТД РСФСР, вплоть до трибун всероссийских. На недавней Всероссийской конференции «Театральный процесс и критика на современном этапе» в Омске председатель Союза театральных деятелей РСФСР Михаил Ульянов, коснувшийся этой нашей проблемы, сказал так: «Если в Ленинграде есть такой театр, значит, такой театр устраивает свой город. Вопрос этот никто, кроме самого города, не решит».

ЗА ЗАНАВЕСОМ

КОГДА я попадаю за кулисы Театра имени Ленинского комсомола, меня не оставляет какое-то гнетущее ощущение. Хочется поежиться и примолкнуть. Как будто попадаешь в особое государство, вырванное из нашего времени и замкнутое в тесном мирке, полном шорохов, тайн и драм. В нем свои законы, свои отношения, своя борьба... Есть враги внешние — критики, которые «сгруппировались» в армии и ежеминутно грозят нападением. Есть враги внутренние — те, кто готов продаться врагам внешним, кто не разделяет взглядов «главного», кто крамольно придерживается собственной точки зрения. Есть круг «приближенных» — их руками творится расправа над «неверными». Впрочем, и для них наступает свой черед — на их место приходят еще более верные. «Никому не верь» — можно было бы начертать на вратах этого государства. Вновь прибывших в государство призывают к самоопределению — «с кем»? Поток «эмигрантов» внутренних восполняется потоком «эмигрантов» внешних. Виза на въезд и выезд одна — ответ на тот самый вопрос — «с кем»?

Но ведь это бред! — скажут непосвященные. Посвященные горько усмехнутся — это даже не вся правда! Обратимся к фактам, которые не раз уже приводились, но по-прежнему вещь упрямая. За четыре с небольшим года правления главного режиссера Геннадия Егорова сорок актеров покинули театр (чтобы ясно было соотношение, замечу, что труппа всего насчитывает шестьдесят с лишним человек). Причем не какие-то мальчишки бунтующие от добра добра ищут — покидают свой многолетний дом артисты заслуженные и народные, те, кто по всем признакам были признанными лидерами труппы, с которыми связана и гордость и слава Театра имени Ленинского комсомола. Восемнадцать творческих работников, помимо актеров, также не нашли общего языка с главным и получили визу на «выезд». Только за последних два года переменилось четыре секретаря партийной организации, три — комсомольской. В ЛО СТД РСФСР поступили письма с протестом против административной и творческой политики Геннадия Егорова, которые подписали шестнадцать покинувших театр актеров, двадцать восемь ленинградских критиков, наконец, двадцать семь актеров, работающих в театре, среди которых те, кого приглашал в театр уже сам Егоров, — случай беспрецедентный в своем роде. В театре разбрасывались листовки с призывом: «Долой Егорова!».

Так и хочется сказать — этого не может быть! Было, в том-то весь ужас ситуации. Это только те факты, которые лежат наверху, — но можно представить, что творится в этом государстве в кулуарах. И нужно понять, что не о творческом кризисе театра нужно сейчас говорить, а вот об этом — о нравственно-этическом содержании происходящего. Тем более что Театр Ленинского комсомола — театр молодежи и для молодежи. То есть речь идет о душах, судьбах, характерах, личностях еще не сложившихся в своем большинстве. А как же складывается личность в такой ситуации, что становится составными целого, о каких духовных ориентирах может идти речь?

— Духовные ориентиры... Какие могут быть духовные ориентиры при сталинизме? — безнадежно машет рукой Вадим Гущин. Помню его выступление два года назад на открытом партийном собрании, когда он, тогда секретарь комсомольской организации театра, прямо поставил вопрос о соответствии главного режиссера занимаемой должности. Те, кто знает, что такое театр, поймут, что значит актеру поднять голос против «главного» публично. Я помню, с какой отвагой, страстью и поистине партийной бескомпромиссностью выступал Гущин. И он не был одинок, отнюдь. Сегодня он не только не секретарь, но и не актер этого театра.

Помню громыхающий голос Романа Громадского, тогда секретаря партийной организации театра. Мужественно и принципиально он поддержал на том собрании секретаря комсомольской организации, веруя, что словам его внимают те, кто делит с ним стены родного дома. Сегодня он сидит передо мной с потухшими глазами. Не секретарь и актер другого театра.

От «опального» секретаря приняла дела приглашенная Егоровым в театр Валентина Панина. «Мне больно видеть неблагополучие и не иметь возможности что-то изменить», — сказала она. Сегодня не секретарь и актриса другого театра.

— Тогда, два года назад, еще рано было поднимать вопрос, — все еще пытается найти какую-то логику в происходящем Владимир Тыкке, который долго стремился не дать разрастись смуте. Он сменил на посту Панину и очень скоро сам попал в «опалу». Сегодня он больше не секретарь...

Новый партийный секретарь Владимир Ляхов, чуть больше года работающий в театре, на мой вопрос ответил так:

— Я расцениваю ситуацию в театре, как в любом театре. Мы пытаемся выполнить свой репертуарный план, который нам мешают выполнять так называемые объективные условия необъективного отношения к театру. Проблемы, которые существуют — а театра без проблем не бывает, театр — творческий коллектив, — я надеюсь, мы решим.

Надежда — вещь хорошая. Только в том случае, когда питает ее реальность. Но реально ли представляет ситуацию в театре партбюро? Иначе как расценить тот факт, что за работу с молодежью в партбюро отвечает тот самый Геннадий Егоров, против которого восстала добрая половина молодежи театра, чьи подписи стоят под письмом, адресованным в том числе и в нашу редакцию? К кому же в партбюро эти молодые придут со своими проблемами? И кому мы в свою очередь в партбюро можем задавать вопрос об экстремальности сложившихся в театре отношений?

От Геннадия Егорова, к которому мы обратились с этим вопросом, я получила в ответ очередную порцию «шорохов и тайн», так что в итоге после длинного торга он отказался подписать даже им же произнесенную в присутствии двух свидетелей фразу с угрозой подать в суд в случае, если хоть слово будет опубликовано без его согласия.

Не знаю, как по части суда, но по части разных «последствий», то каждый, кто так или иначе коснулся «основ твердыни» Театра Ленинского комсомола в годы правления здесь Геннадия Егорова, знает, что они неизбежны. Но секрет, что почти у каждого из писавших о театре были свои проблемы по выяснению отношений на уровне писем «от театра» в разные инстанции. О том, как «организуются» такие письма, можно судить по короткой фразе из «воззвания», в котором отчаявшийся актер признается, что подписал письмо, потому что у него семья, которую надо кормить. Воззвание, прикрепленное к двери актерского фойе, начиналось словами «Я боюсь!».

Эта трагическая и для нашего большого государства формула — «я боюсь», — которую мы с таким трудом вытравляем из нашей жизни, — не сверхзадача ли она для главного режиссера в своем «маленьком» государстве шорохов? Страшна цепная реакция этой формулы. Непостижимым образом вокруг театра создается какая-то совершенно особая, чуждая сегодняшнему духу атмосфера, в которую затягиваются и те, кто как раз должен с ней бороться. Так, скажем, ответственный партийный работник считает возможным позвонить домой актрисе, подписавшей письмо против режиссера, и «наставлять» ее на путь истинный. Тоже из серии шорохов... Но вместо того, чтобы втянуть голову в плечи, актриса Надежда Мальцева требует объяснить, на каком основании ей делаются подобные рекомендации и, главное, почему на письмо, адресованное в ЛО СТД, таким образом отвечает работник обкома. Что мы ей можем ответить на этот вопрос?

— Сейчас, когда прошло уже время, я думаю иногда, что Егоров — в чистом виде порождение того, к чему мы привыкли. Он удобный человек — умеет отчитаться, поладить с начальством. У него нет никаких «крамольных» идей, он не потерпит таких идей и в своем театре. Всегда «примет к сведению», поблагодарит, откликнется — на совет или приказ сверху. Удобный он человек, — горько констатирует сегодня Роман Громадский.

Но время сейчас другое — удобное для «неудобных». Вроде нынешнего секретаря комсомольской организации театра Юрия Олейникова: «Представляете, ветер, деревья шумят, машины гудят, а мы идем с ребятами по улице и — если о театре, то на шепот переходим», — смеется он, упорно не теряя чувства юмора.

— Конечно, у меня в чем-то двусмысленная ситуация. Я вроде бы должен поддержать «линию руководства» на стабилизацию. Или взять самоотвод. Но я подумал: на дворе-то ведь 88-й год! Не хочется «отсиживаться», «ходить» под формальным лидером, которого нам навяжут. Мне лично наш главный режиссер не мешает, и роли у меня есть. Ребят жаль. Самое обидное, что в этих войнах против режиссера критики не замечают актеров. А мы есть. И очень хочется работать по-настоящему. Хочется удач и признаний. Хочется душу вкладывать, а не повинность нести.

«Мы работаем», — говорят те, кто «по ту сторону баррикад», с главным. Но работа их, о которой, например, с таким увлечением говорит Регина Лялейките, сменившая на посту секретаря Вадима Гущина и дисциплинированно подписывавшая письма «в защиту» Егорова, работа эта в основном — вне большой сцены. Это самостоятельные работы самих ребят, в которых они выступают и актерами, и режиссерами, а подчас и драматургами, как Леонид Кудряшов. Мне бы очень хотелось увидеть эти разные молодые лица в разных интересных спектаклях. Но сегодня в театре выявление творческих возможностей молодых — и «стариков» и вновь пришедших — происходит в основном за счет самостоятельных работ. А значит, закрыты и для критики и для широкого зрителя. Так что даже это вроде бы оптимистическое «мы работаем» тоже «выдает» главного режиссера. Какая из актерских работ на большой сцене привлекала к себе несомненное внимание? Какое имя открыл театр, о ком из молодых актеров заговорил город?

Не станем сейчас говорить о том, хорошо это или плохо, что часть труппы, невзирая ни на что, держится курса, заданного главным режиссером, и не волнуется о судьбах десятков — десятков! — товарищей, которые оказываются выброшенными за борт. Актерская судьба — жестокая судьба. И здесь каждый вправе рассчитывать только на свои силы. Нет, я не упрекаю «неприсоединившихся», но просто думаю: любая роль требует от актера личной позиции, ощущения своей правоты или неправоты, убежденности в одних истинах и яростного неприятия других. А когда постоянно приходится иметь дело не с вопросом: «кто я?», «какой я?», а с вопросом «с кем я?» — не происходит ли здесь трансформация нравственных, этических, духовных критериев? А ведь десятки новых молодых актеров, приходящие на места «эмигрантов», с самого начала должны прежде всего сделать этот выбор — «с кем я?». Причем на одной чаше те самые святые узы товарищества, а на другой — реальность непродленного договора... И пример вот он, налицо, твой товарищ, — как, скажем, Наталья Ипатова, которую сам же Егоров опять-таки пригласил в театр и с которой, как только она посмела «сметь свое суждение иметь», был в нарушение всяческих норм если не законности, то человечности, не продлен договор. Актер, который существует в атмосфере постоянной неуверенности в завтрашнем дне, за счет не вовремя или не к месту сказанного слова, — чем же этот актер способен заполнить свою роль? Значит, он будет лгать, выходя на сцену, точно так же, как лжет за кулисами.

Об этом мы говорили с секретарем комсомольской организации театра.

— Нет, я не собираюсь уходить из театра, — твердо подытожив он. — Будем бороться.

Но и главный режиссер, похоже, не собирается сдавать позиций. Но есть борьба и борьба. «Не против кого» важно для Юрия Олейникова, а «за что». Бороться ребята хотят за право свободного творчества, за право высказываться в полный голос, за право без страха и стыда смотреть в глаза друг другу. В этом и состоит вся оппозиция главному режиссеру — в желании ощущать себя в своем времени, быть хозяином своего мнения, чувств, мыслей, слов...

И я говорю открыто — я с ними. Мы по одну сторону баррикад. Смотрю на лица этих молодых, которые не со сцены, не голосом «пророка», как то приличествует ремеслу актера, а в тесноте редакционного кабинета, не по ту сторону рампы, а по ту сторону стола выговаривают заветное, покрываясь пятнами, ломая пальцы — и мне становится не по себе. Да ведь это же актеры! Весь инструмент, весь скарб которых — они сами: вот эти лица, руки, голоса, души, которые, если их «испортить», сломать криводушием и страхом, нельзя поменять, как вышедший из употребления станок на заводе. Это значит, что сломалась судьба, погиб человек... Так что же я буду мудрствовать лукаво — мол, я ни на чьей стороне.

Очень удобно сидеть с другой стороны стола и говорить об объективности. «А в это время...». А в это время молодые люди теряют веру в справедливость, в силу правды, в сами наши сегодняшние перемены. А в это время из зала уходит равнодушный зритель, потому что нельзя зажечь, не пылая самому.

А в это время мы перелистываем страницы учебников истории, возвышаясь духом над прошлым...

А не задуматься ли о том, что прошлое имело место и потому, что очень похожие на нас интеллигентные люди тоже «не вмешивались», не хотели верить, что «такое может быть», закрывали глаза на очевидное? И наш сегодняшний плюрализм — не индульгенция ли это, которой мы помахиваем там, где надо в отдельных сложных случаях кому-то принять решение, взять ответственность на себя? Если на наших глазах калечат человека, то, пожалуй, не к месту будет высказывать разные точки зрения на этот факт. Почему же мы терпеливо и легкомысленно ждем помощи там, где нужно самим эту помощь оказать?

И еще один момент. Давайте попробуем разобраться, кому мы не доверяем в случае с Театром Ленинского комсомола. Критикам? Специально созданной бюро правления ЛО СТД комиссии, в которую входили наиболее уважаемые театральные деятели города? Фактам? Живым свидетелям и свидетельствам? Самим себе!

Но есть же зритель у этого театра, говорят. Вот в Запорожье их спектакли понравились — это веский довод театра, он везде рассылает выдержки из запорожских рецензий. Вот есть и голоса в защиту Егорова... На худсоветах встают какие-то люди и со слезами благодарят за спектакль, который критики не принимают как антихудожественный. Вот, мол, народу нравится... Но — даже сегодня! — есть голоса в защиту и Сталина! Даже сегодня это кому-то «нравится». Откуда у нас этот комплекс «недобитой интеллигенции», «вредителей-спецов», которым лучше «помолчать», когда говорит «народ»? И почему под понятие «народ» подводится какое-то малоразумительное, неграмотное суждение?

Профессией — будь это хлебопашество, а будь режиссура — должны заниматься компетентные в ней люди. И выносить суждения тоже должны специалисты, люди, компетентные в профессии, о которой берутся судить.

Впрочем, мне бы хотелось закончить на этом.

...«Любите ли вы театр?..». То самое мгновенье, когда еще не взвился, но уже дрогнул, задышал занавес? А актеры еще стоят, прилепившись к дырочкам в нем. И зал уже не кашляет, не шелестит. Еще мгновенье — и начнется Театр...

Алена КРАВЦОВА